

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

Писатель Владимир Войнович, сегодняшний гость и собеседник нашей редакции, всегда и везде предельно открыт, за что и был откровенно выслан за пределы. Так у нас было принято.

Сейчас Владимир Николаевич, выражаясь статистически, около 60 процентов времени живет в Москве, и в его речи приятно ласкают слух не «вы» и «у вас», а «мы» и «у нас».

Видно, сколько бы шедевров и героев ни создал писатель, среди них есть один, который станет его обелиском. Так, у Распе—Мюнхгаузен, у Дефо—Робинзон Крузо, у Дюма—д'Артаньян, у Гашека—Швейк, у Ильфа и Петрова—Бендер. У Войновича—Иван Чонкин.

Поэтому наш разговор, развиваясь вширь, эпицентром имел все-таки Чонкина, о котором Владимир Николаевич рассказывал, как о близком родственнике уровня сводного брата.

— Я сейчас пишу, а может быть, и заканчиваю книгу, которая называется «Замысел». В значительной мере она строится на автобиографическом материале, но это не будет автобиография, это будет переплетение разных идей, тем и сюжетов. И в ней есть разные слои. Один из них—философский, а может быть, и псевдофилософский.

Я рассматриваю человека вообще и себя лично как некий замысел Божий.

Бог наделяет любого человека какими-то свойствами и делает это в виде загадки, которую человек должен разгадать, чтобы раскрыть эти вложенные свойства полностью и состояться как личность. Многие люди и не пытаются, и все загадки носят в себе просто так. Как зерно, которое так и не попало ни на жернов, ни в почву. А просто сгнило.

И другой слой, это мой собственный замысел: как я замыслил провести свою жизнь, для чего стал писать, что хотел сказать всем тем, что написал или написать собирался. У меня, между прочим, есть много книг начатых, но написанных наполовину, на четверть, на одну сотую. Некоторые из этих начал войдут в мою книгу...

— Такое безотходное производство?

— Не совсем. Многие начала я просто давным-давно выкинул на помойку. А из сохранившихся в книгу войдут только те, что показывают оборванные пути, по которым мог бы пойти автор, но почему-то остановился или свернул в сторону.

Далее—Чонкин. Дело в том, что «Чонкин»—это книга, которую я пишу уже более 30 лет. Она лежит на мне таким тяжелым грузом, и я возвращаюсь к ней, а время уже прошло... Я сейчас возраст уже серьезный, и нет того запала... Но тем не менее я к ней возвращаюсь и вставляю таким пунктиром, что биография Чонкина переплетается с моей.

— Кстати, как он, что он, как его самочувствие?

— Ну, он старше меня на 13 лет, но жив, здоров...

— Но живет здесь?

— Нет, я его поселил там.

— Может, поэтому и здоров?

— Не исключено. Тут, кстати, один из важнейших элементов книги—рассмотрение странного на первый взгляд феномена: как обстоятельства жизни автора влияют на возникновение его замыслов (если бы я не жил в деревне, не служил в армии, то не возник бы Чонкин); и как замысел осуществленный, как бы материализуясь, влияет реально на жизнь автора.

Ни один живой человек не повлиял на мою судьбу так, как вымышленный мной же Чонкин.

Из-за него у меня возник конфликт с государством, из-за него я был изгнан из Союза советских писателей и даже из Советского Союза и ока-

зался Бог знает где. Этот неожиданный поворот в моей биографии опять отразился на моем замысле, и Чонкин вместе Колымы, куда его собирались загнать автор, оказался вдруг в Америке, в штате Огайо. Он после войны попадает в лагерь для перемещенных лиц, потом в Америку батраком к фермеру-украинцу. Когда фермер умирает, женится на его вдове.

— Шустрий!

— Такой в нем Божий замысел... Теперь у него огромное поместье, над которым он летает на собственном самолете.

— Он у вас и начинал с самолета... Владеет, конечно, английский, немецким?..

— Нет. Английский он так и не выучил, а русский забыл. Там, кстати, много таких соотечественников.

— Владимир Николаевич, возвращаясь к Божескому замыслу, скажите — почему вы трактуете его, как загадку? Почему его надо расшифровывать, почему не сказать впрямую?

— Ну, это вопрос скорее к Господу Богу. А я его трактую так, потому что очень уж часто получается, что человек рвется играть на скрипке, хотя должен играть в городки. Или наоборот. И таких примеров не счесть.

Действительно, загадка. И вопрос именно чисто философский, а не псевдо, как скромно сказал Владимир Николаевич. Невероятное количество людей занято явно не тем. У нас, во всяком случае. Иначе давно была бы божественная обстановка, если бы замысел сросся с промыслом. Человек, например, родился поваром, он чувствует тонкости восточной кухни, как Страдивари влажность резонансной ели, но работает не в шашлычной, а, допустим, парламентарием. А у Ростроповича, пожалуйста, совпало. Жаль, процент совпадений невелик. Прав Владимир Николаевич — загадка...

— Есть ли надежда увидеть Чонкина на экране?

— Увы, не могу сказать ничего определенного. Права на экранизацию куплены английской фирмой «Портобелло» на 10 лет. Причем я этот контракт заключил тогда, когда не было никаких надежд увидеть его в нашей, скажем, в рязановской постановке... Вот кончатся 10 лет — посмотрим.

— Посмотрим фильм или?

— Или. Но, может быть, мой продюсер сделает фильм раньше. Он же не зря покупал права.

— А наши генералы изменили сейчас свой взгляд на Чонкина?

— Ну, может, и изменили, поскольку некоторые из них сидят сейчас в «Матросской тишине», а оттуда, знаете, взгляд совсем иной.

— Главным противником был, кажется, маршал Ахромеев?

— Нет, и маршал Язов очень активно противостоял, а теперь он сам ведет себя очень по-чонкински.

— Вам не обидно, что уходят в тень такие сочные предметы изображения?

— Обидно! Конечно, обидно! Но я не согласен, когда сейчас говорят, что не о чем и не о ком писать в сатирическом ключе. Очень многие люди раскисли с самой смешной стороны. Мешает, правда, то, что время

летит очень быстро и рисовать надо уже фотоаппаратом, иначе не успеваешь запечатлеть. Раньше предметы стояли, как неживая натура в ателье художника, и их можно было рисовать долго — с этой стороны, с другой, подойти поближе, подсветить, поправить ракурс... И расстановка предметов, и их субординация, и правила игры, и даже колер — все было постоянным...

— Владимир Николаевич, у нас в России всегда отношение к писателям было, как к духовнику. А сейчас особенно. Как только кто-то появляется на нашей орбите, его тут же спрашивают: «Как нам жить дальше?».

— Действительно, такое отношение... А на Западе?

— На Западе о деньгах приходится думать постоянно. Защищая авторских прав — дело сложное, писателя обдирают все, кому не лень. Следить за тем,

являются ли деньги стимулом для Владимира Николаевича, большую ли роль в его жизни они играют и часто ли приходится о них думать.

— К сожалению, гораздо чаще, чем хотелось бы. У нас многие писатели были в положении, когда деньги шли автоматически — издаются книги, ставятся пьесы, сценарии... У меня был такой период, но благодаря усилиям партии, правительства и КГБ он оказался очень коротким.

— А на Западе?

— На Западе о деньгах приходится думать постоянно. Защищая авторских прав — дело сложное, писателя обдирают все, кому не лень. Следить за тем,

оплаченным ответом. Естественно, не нравятся. Один из этих вздохов: «Ах, как нынче нравственность упала!» А то, что было раньше, было нравственно?.. Когда людей убивали миллионами — это нравственно?.. Когда молодежь затаскивали в милицию, били, вспарывали узкие брюки и обстригали длинные волосы — это нравственно?.. Или «ах, когда была цензура, писали тонко, изящно, находили инскавания, обходя эту цензуру!» Где, назовите мне эту тонкую литературу... Говорят: «Пожалуйста» — Булгаков, Зощенко, Ахматова... Но они-то как раз ее и не прошли...

Вообще когда я впервые возвратился в 1989 году, меня поразило это тотальное нытье—и

мально. Ведь сейчас наша литература на 90 процентов неконкурентоспособна, она авторам не только кролика, но и коша не обеспечивает. Рядовой необученный гражданин, торгуя в подземном переходе стиральным порошком, зарабатывает больше.

— И может по вечерам еще немного писать...

— ...немного обучившись! * А писатель же не пойдет торговать порошком. Он и книгами-то не сумеет.

— А как вообще у вас складываются отношения с Союзом писателей?

— Теперь уже непонятно, что это такое. Союз писателей раз-

писателей. Я в ответ спросил, писал ли это письмо какой-то конкретный человек или сама копировальная машина, является ли оно формой извинения за прошлый разбой и не согласен ли господин Ксерокс, что мое возмущение в Союз писателей и в Союз ССР практически возможно только после возвращения мне отнятого у меня жилья? Ответом на мои вопросы было полнейшее и глухое молчание. Квартиру я вскоре получил, но писатели тут ни при чем. Я написал письмо Горбачеву, его реакция была немедленной, положительной, и вскоре я стал опять москвичом.

— А Союз писателей?

— От него остались одни осколки. Один из «осколков» около года назад извинился передо мной, после чего я принял от них удостоверение, в котором написано, что я являюсь членом СП с 1962 года.

Что ж, нас всю жизнь учили не жить, а бороться: за надои, за урожай, за выплавку, за квадратные метры... Не учили только бороться за свое достоинство. Владимир Николаевич в этом отношении великий самоучка. А может, тут опять таки Божий замысел. В любом случае это прекрасно. Потребовать и принять извинения не пустяк, это мировоззрение.

— Владимир Николаевич, вам не кажется, что есть разница в отношении к Отечеству у писателей, покинувших его после 1917 года, и писателей, изгнанных в наше время? Те ведь страдали, стремились вернуться... А у современных уехавших писателей, кажется, есть некоторая отстраненность.

— Нет, я с этим не согласен. В основном писатели первой эмиграции стремились вернуться в Россию только после крушения большевистского режима, но никак не раньше. Большинство моих товарищей по несчастью, и я в их числе, всегда жили интересами России, а легенда об их отстраненности была сочинена здесь нашими отечественными лгунами. Я лично с самого начала так называемой перестройки, с первых ее проблесков стремился сюда вернуться, но с того самого времени и поныне читаю в разных газетах гнуснейшие рассуждения, стропанные по одному и тому же рецепту: они (то есть мы) уехали на Запад исключительно из экономических соображений, ничего там хорошего не написали, без джипов и тамошней колбасы уже жить не могут, сюда, конечно, никогда не вернутся, реформы наши ненавидят и хотят, чтобы они провалились. И эти мерзости я слышу не только из уст так называемых правых борзописцев, но и самые развешиваемые их коллеги дуют в ту же дуду, что наводят меня на неизбежную мысль: а не инструктировали ли всех этих лгунов в одном и том же кабинете? Слишком по всем пунктам схожа аргументация и слишком безосновательна, чтобы прийти в голову столь разным людям одновременно.

И невольно возникает вопрос: зачем сетовать по поводу невозвращения? Зачем России нужны писатели, которые ничего не создали ни там, ни здесь?.. А для престижа, Владимир Николаевич, для престижу!.. Бессмертный синдром возвращения блудного сына из земель обетованной... «А-а! Возвратились! То-то же! Отлепашать бы тебя, да уж ладно, что старое помнят, тому глаз во... Ах, будешь поминать?! Нет, ты серьезно! Ну, стервец, ты хоть помпел как-нибудь, без фамилии!.. Фамилии-то, говорю, зачем?.. Крой бывшее государство, систему помощи... Можешь хоть непечатно — напечатать!».

— Владимир Николаевич, мы

тут вычитали на днях, что это вы открыли закон чередования наших лидеров — лысых и волосатых. От Керенского до Горбачева.

— Нет, я его не открыл, это был такой анекдот. А я его, так сказать, развил. Я сказал, что лысые обычно прогрессивные... Реформаторы и утописты. Вот, скажем, Ленин, Хрущев, Андропов, Горбачев. А волосатые — консерваторы и реалисты, и всегда добиваются, чего хотят.

— А вы взяли бы дать характеристики нашим сегодняшним лидерам?

— Ну в двух словах это не выразишь... Знаете, рассказывают, что когда Шульгин, приехав в Петербург, спросил у Петра Струве, что это за человек новый объявился — все говорят Ленин, Ленин, — Струве сказал, что это не просто объяснить, но если в двух словах, то — думаящая гильотина.

Сегодня действительно в двух словах не скажешь. Существуют разные фигуры... Вот, допустим, Лигачев. Хотя он уже не у власти, но все равно спорит, говорят, он правый, левый, радикал или консерватор... Дело в том, что совершенно неважно, кто он — радикал или консерватор. Важно, что это человек такого низкого уровня государственного мышления, что его нельзя было допускать даже на районный уровень.

— То есть Господь его замыслил иначе, чем он себе воображал?

— Да. Пусть он будет в душе хоть реформатор, хоть революционер — нельзя допускать... А о таких людях всерьез говорят...

— Со своими западными читателями вам доводилось встречаться? Как вообще там воспринимают ваши книги и юмор, которые близки и понятны нам?.. У нас возникает даже какое-то ощущение великодержавной ревности.

— Встречались. Но воспринимали иначе.

В Америке, например, очень сильное впечатление произвело мое письмо министру связи 1976 года...

До того я писал, как меня травил в КГБ, это не произвело никакого впечатления... Ну травил, ну пусть даже убили человека — что тут такого! Везде травят, убивают и покидают. А вот ни с того ни с сего телефон отключили — это потрясает: вот оно — звериное лицо тоталитаризма!

Какие странные там люди? Нет, не зря возникла поговорка «Что русскому здорово, то немцу — смерть»...

И не зря родился на свет Ваня Чонкин, и жив, и переживет и нелюбящих его генералов, дай Бог им маршалских звезд, и любящего его Владимира Войновича, доброго ему здоровья, и нас, любящих их обоих, и таможенников, любящих шмонать наши багажи...

Как сказал также бессмертный Козьма Прутков, — «...однажды начавши, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу, б) беседовать с возматившимся из похода другом...»

Ну насчет вкушать хорошую пищу — ладно, поверим Козьме на слово. А вот перестать беседовать с возматившимся «из похода» Войновичем было действительно трудно. Но, сами понимаете, пришлось — был сочинитель, глядет Рождество, пора было разбегаться и готовиться вкушать, что Бог пошлет по своему замыслу.

ДЕНЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ С ВЛАДИМИРОМ ВОЙНОВИЧЕМ

Фото Юрия ЛУНЬКОВА.

ношение есть, но это феномен закрытого общества. В открытом обществе человек со своими проблемами идет к психологу, сексологу, юристу... И платит большие деньги... Вот я в Америке пошел как-то к адвокату, мне нужно было получить деньги с другого адвоката. Разговор ненароком коснулся организации молодых христиан, которая много занимается бойскаутами, и адвокат стал рассказывать о бойскаутах, о том, что и сам был бойскаутом, а сейчас их поддерживает... Минут сорок рассказывал. Я спрашиваю: «Извините, а сколько вообще вы берете?» Он говорит: «150 долларов в час». То есть он не за свой счет мне рассказывал, а за мой. Хотел я ему про наших пионеров рассказать, но ведь и это было бы за мой счет...

Переход от божественных замыслов к кредитным билетам неизбежен. Богу — богово, а кесаря стороной не обойдешь... Нет, нет, цены не обсуждались, инфляция тоже. Так, небольшой семинар «Писатель и деньги»,

какой издатель где сколько книг напечатал, сколько продал, сколько отчислил автору, практически невозможно. Приходится брать что дают. На Западе редко какому писателю, а эмигранту тем более удается жить на свои гонорары. Писатели или служат где-то, или получают стипендии от разных фондов, или живут на социальное пособие. Я из двенадцати лет два года получал стипендию, а остальные десять жил и содержал свою семью исключительно на гонорары. Увы, они скромней, чем хотелось бы, и я могу сказать вслед за Маяковским: «Мне ни рубля не накопили строчки, краснотеревки не слали мебель на дом...» Вот у авторов бестселлеров гонорары очень нескромные, и суммы их чаще всего тем крупнее, чем бездарней они написаны. В том, что это так, российский читатель может теперь сам убедиться, если посмотрит, какую литературу поглощает теперь и у нас массовый потребитель.

— Как вам нравятся раздающиеся у нас вздохи по прошлому?

— Ну это вопрос с заранее

по телевидению, и в печати, и в разговорах... Знакомая мне звонит, говорит: «Кошмар! Кошмар! Ты видел, сколько мясо стоит! А я ведь должна же килограмм мяса в неделю съедать?..» Почему это она должна килограмм мяса съедать — не знаю.

— Лев Толстой меньше съедал...

— Владимир Николаевич, а может, причина этого нытья, этих вздохов в том, что идея свободы чужда? То есть то, что тоталитаризм рухнул, — все доволны, а что получили? Получили что-то неосознанное, нематериальное.

— Да, вы знаете, у меня в повести «Шапка», в этой писательской среде каждый получал по ранжиру — кто пыжика, кто кролика, кто коша. Но получал уверенно — «отдай, не грехи!» А сейчас в этой относительной свободе он, получается, должен сам этого кролика или пыжика поймать. Или заплатить ловцу по свободной цене, по той, по которой тот оценивает свой труд. И многим это не нравится, хотя именно это — нор-

валился на куски, и в один из этих кусков я вошел около года тому назад. До этого было так: в первый мой приезд в 1989 году в аэропорту Шереметьево я был встречен телевизионной группой, которая мне сообщила, что я восстановлен в Союзе писателей. Меня спросили: «Вы рады?» Я сказал: «Нет». Потому что это восстановление было таким же постыдным, как и мое исключение — втихомолку и без малейшей попытки как-нибудь извиниться. Мой ответ — и правильно — тогдашнему начальству не понравился, и телевизионщикам, пока они ехали из Шереметьева в Останкино, было передано по телефону в машину, что они пленку с моим изображением могут выкинуть.

— Какая бесхозяйственность во имя торжества идеологии!..

— Через год, уже после возвращения мне советского гражданства, новый «финт ушами» союзписательского начальства — мне в Германию было пришло письмо, точнее, ксерокопия, без подписи, где спрашивалось, не собираюсь ли я в связи с наступившим торжеством демократии вернуться в Союз